

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

аналитическое агентство

СЕРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РУКОВОДСТВА»

Ослабление глобального лидерства США *И его преимущества для Америки и мира*

Столкнувшись с неудачами своей политики на Ближнем Востоке, США организованно отступают по всему международному фронту. Это отступление временно и не повлияет на приоритеты американской стратегии. Сокращение участия Соединенных Штатов в мировых процессах крупные мировые державы не рассматривают как риск. Возникшую паузу стороны используют для переговоров о новых правилах глобальной конкуренции.

Сушенцов Андрей

к.полит.н.

*Управляющий партнер
агентства «Внешняя политика»*

Москва
Январь 2014

Избранный в 2012 г. на новый президентский срок Барак Обама получил четкий мандат от американцев – отвлечься от мировых дел и навести порядок дома. Неудачи внешней политики республиканских администраций Дж. Буша-мл. привели к активизации изоляционистских настроений в США. Только 5 процентов избирателей указали в числе своих озабоченностей проблемы внешней политики¹. Откликаясь на этот запрос, одним из лозунгов президентской кампании Б. Обама сделал следующий: «Пришло время сосредоточиться на государственном строительстве дома»².

Борьба с последствиями финансового кризиса в сочетании с личными убеждениями президента Обамы определили сосредоточенность администрации на вопросах внутренней политики и оживления экономической активности в стране. Вопросы внешней политики не встали вровень с проблемами безработицы и стабилизации национального хозяйства. США продолжили сокращение военного бюджета и программ содействия международному развитию.

---

¹ *Bremmer I.* Obama's vacuum doctrine // Reuters. September 25, 2013.

² *Obama B.* Weekly Address: A New Chapter in Afghanistan. The White House. May 5, 2012.

Однако динамичные перемены на Ближнем Востоке, необходимость завершить войну в Афганистане, удерживать Иран от обретения ядерного оружия и следовать курсу на усиление присутствия в Азиатско-тихоокеанском регионе побуждали США сохранять высокую интенсивность своего участия в мировых делах. Помимо роста изоляционистских настроений на родине, затрудняли американские действия два других важных обстоятельства: относительное сокращение военных и финансовых ресурсов для поддержки внешней политики³ и складывание комплекса стойкого неприятия американского активизма в мире, в том числе среди ближайших союзников США в Европе. Ухудшение международной среды и сокращение доступных ресурсов поставили перед Вашингтоном задачу адаптации глобальной стратегии. Оставляя неизменными заявленные приоритеты политики, США стремились найти способ более эффективного достижения своих целей.

---

³ Барак Обама стал первым американским президентом, под руководством которого объем совокупного ВВП стран трансатлантического сообщества упал ниже 50% от мирового. См.: *Monaghan A.* Western economies poised to account for less than 50pc of world GDP // The Daily Telegraph. June 2, 2009.

Параметры американской стратегии

Американское лидерство и лежащая в его основе версия универсализма – плод исторических обстоятельств развития Соединенных Штатов, в первую очередь географии, климата и пояса соседства. «Островное» положение США, их удаленность от эпицентра международных угроз – который столетиями располагался в Европе – способствовал тому, что американцы стали естественными изоляционистами. Отцы-основатели государства в силу недостатка ресурсов не видели перспектив участия Америки в европейских делах и призывали сосредоточиться на освоении североамериканского континента⁴. Не будет ошибкой считать, что изоляционизм и экспансионизм США являются родственными доктринами, используемыми попеременно в зависимости от доступных ресурсов и обстоятельств.

Логика стратегии США характерна для развитых морских держав, основа благополучия которых строится на морской торговле. Она заключается в контроле над ключевыми морскими коммуникациями путем постоянного передового базирования флота, способного действовать в открытом океане и создания системы военных союзов, обеспечивающих его базирование в удаленных географических точках. Могущество флота США позволяет гарантировать неуязвимость американского «острова».

На протяжении истории влияние США в мире распространялось в несколько этапов. Двумя главными параметрами этого процесса были острая внутривнутриполитическая дискуссия между экспансионистами и изоляционистами о целях американского присутствия вне своего континента, а также отсутствие жизненной угрозы безопасности США в ходе экспансии – ни один из новых оппонентов, кроме СССР, не был сопоставим с Соединенными Штатами по совокупной мощи.

В XIX веке сферой интересов США было исключительно их ближайшее окружение в Северной и Латинской Америке. Принцип взаимного невмешательства «старого» и «нового света» в дела друг друга был изложен в 1823 г. президентом Дж. Монро: «В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и [европейскими] державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности»⁵.

Завершив движение континентального фронта, США начали постепенно втягиваться в мировые процессы. К началу XX столетия Вашингтон получил первые опорные пункты на Тихом океане вне американского континента, отвоевав у Испании наряду с Кубой колонии на Гуаме и Филиппинах. Подлинно глобальной политикой США сделало участие в главных международных процессах того периода – европейских делах. Если после Первой мировой войны в США все еще продолжалась дискуссия о целесообразности присутствия в «Старом свете», то по итогам Второй мировой войны Соединенные Штаты прочно закрепили за собой место глобальной державы. Помимо участия американских войск в борьбе с фашизмом, мировой масштаб американской стратегии укрепили три ключевых процесса: создание как системы противовесов СССР в виде ООН и НАТО, экономическая помощь Европе по плану Маршалла и замещение Франции и Британии как главных гарантов порядка на Ближнем Востоке.

Не все американские политики приветствовали такое развитие событий. Лидером изоляционистов в середине XX века был сенатор от штата Огайо Р. Тафт, который утверждал, что конечной целью внешней политики должна быть защита

⁴ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Вирджиния. Ленинград: «Наука», 1990. 314 с.

⁵ President James Monroe's seventh annual message to Congress on December 2, 1823. URL: <http://www.law.ou.edu/ushistory/monrodoc.shtml>.

свободы американских граждан – в первую очередь от злоупотреблений властью со стороны правительства⁶. Логика Тафта состояла в том, что ложные приоритеты побуждают Вашингтон требовать от граждан больше, чем необходимо для защиты континента. При этом Тафт считал, что администрация Г. Трумена должна была нанести превентивный удар по СССР в 1945 г. и уничтожить исходящую от него угрозу. В силу того, что «время было упущено», Тафт предлагал укреплять оборону по периметру американских границ. И хотя взгляды Тафта были осуждены как устаревшие большинством американцев, рассуждения в духе изоляционизма не исчезли из политического дискурса США.

Во второй половине XX века США укрепили позиции в Восточной и Юго-восточной Азии, одержав верх над Японией и став основным союзником Южной Кореи после войны на Корейском полуострове. В 1951 г. между США, Австралией и Новой Зеландией был образован военный союз (АНЗЮС). Одновременно в этот период была укреплена и модернизирована военная база на входящем в состав США о. Гуам в западной части Тихого океана.

После окончания «холодной войны» глобальное присутствие США претерпело изменения – оно ослабло в Тихоокеанской Азии, но усилилось на Ближнем Востоке. В 1992 г. по решению парламента Филиппин на территории страны были закрыты крупнейшие базы США в регионе. Чтобы частично снизить негативный эффект от этой потери, в том же году США заключили соглашение с Сингапуром об использовании военно-морской базы на его территории. В связи угрозами, исходившими от Ирака и Ирана начиная с 1995 г. США получили возможность стационарного присутствия в северо-западной части Индийского океана и в Персидском заливе, достигнув с Бахрейном и Кувейтом соглашения о создании военно-морских баз.

Любопытно, что период окончания «холодной войны» ознаменовался новой дискуссией о приоритетах внешней

политики, в которой позиции изоляционистов были сильны. Наблюдая относительный упадок мощи США на рубеже 1980-1990-х гг. изоляционисты призывали избежать «имперского перенапряжения». Консервативный американский публицист, постоянный представитель США в ООН Дж. Киркпатрик писала в 1990-м году, что настал конец эпохе, требовавшей от Соединенных Штатов внутренней мобилизации: наступило «нормальное время» и США пора стать «нормальной страной». Киркпатрик требовала от Вашингтона сосредоточиться на внутренних делах: «Мы должны быть обычной державой, а не сверхдержавой. Мы должны подготовиться психологически и экономически к снижению нашего статуса до уровня обычного государства»⁷. Позднее Киркпатрик отошла от идей изоляционизма и примкнула к неоконсерваторам, требовавшим преобразования мира в соответствии с идеалами США.

Поддержание присутствия в планетарном масштабе требует от США колоссальных ресурсов. Последние симметричным образом распределены между разными компонентами мощи Соединенных Штатов – от военной силы и программ содействия международному развитию до экспорта популярной культуры и интернет-сервисов. Однако помимо присутствия, от страны-лидера требуется большее. В первую очередь – гарантировать стабильность регионального порядка даже в том случае, если его нарушение не затрагивает жизненные интересы лидера. Это требует от США двух важных компетенций – трезвой оценки региональной ситуации и собственных интересов в связи с ней. Опыт лидерства Вашингтона в североатлантическом сообществе со второй половины XX века имел ряд особенностей, которые препятствуют США эффективно выполнять лидерские функции в мировом масштабе.

Во-первых, в результате уверенного, но позднего вступления в круг великих

⁶ Tuft R.A. A Foreign Policy for Americans. N.Y.: Doubleday&Company, 1951. P.11.

⁷Kirkpatrick J. A Normal Country in a Normal Time // The National Interest. Fall 1990.Pp. 40-44.

держав, США не получили «классический» европейский опыт конфликтов и сотрудничества, плодом которого является постоянство и рассудительность в международных делах. Колебания настроений американской элиты между изоляционизмом и экспансионизмом подчеркивали отсутствие твердо осознанной потребности в глобальном лидерстве. В результате процесс рационального осознания Вашингтоном собственных интересов в региональных конфликтах вдали от Северной Америки нередко искажается идеологическими схемами. Во-вторых, длительное доминирование США в западном сообществе и опыт односторонних решений 1990-х гг. привил Белому дому стойкую неприязнь к равенству и неверие в международные институты. Наконец, экономическое благополучие и технологические прорывы десятилетия после конца «холодной войны» укрепили веру американского истеблишмента в исключительную – преобразовательную – роль Америки в мире, на которую не должны распространяться закономерности международной политики.

Это делает политический и стратегический опыт США несовершенным. Для поддержания мировой стабильности необходимо понимание практической пользы суверенитета и возникающих в связи с ним правил применения силы и самоограничения. В свою очередь это выдвигает особые требования к качеству дипломатии. Навязанные силой извне перемены, экспорт революции как стратегия могли работать в ситуации подавляющего превосходства США, однако зенит этой политики проходит.

США также с трудом осознают, что главный аспект мировой политики – субъективный, человеческий – требует понимания разности национальных общежитий и эмпатии, особенно для целей управления этой разностью (как в Афганистане и Ираке)⁸. Наконец, современный американский универсализм

– демократизация – по сути является антиисторичным взглядом на мир. США искусственно ускоряют заведомо медленные процессы, на развитие которых требуются столетия. Вашингтон не учитывает непредсказуемость мирового развития и часто не видит косвенных последствий своего активизма. США также плохо извлекают уроки из своего опыта из-за того, что упрощают или игнорируют историю: такой подход рисует будущее беспечным и глубоко отличным от прошлого⁹. В действительности победа демократии мировом масштабе не predetermined, а сами США – по выражению Г. Киссинджера – продолжают быть экспериментом с открытым исходом. В этом отношении политические практики администрации Дж. Буша-мл. не являются новыми для США – президенты такого склада уже руководили страной, новой была только степень свободы действий Вашингтона в международных отношениях.

В пост-идеологическом мире, где поведением стран руководит прагматизм, пространство для миссионерских инициатив по демократизации сокращается. Демократия перестает восприниматься как уникальная черта Соединенных Штатов и становится общечеловеческим достоянием, условием устойчивого развития. В этом обстоятельстве большая заслуга США, однако они утратили монополию на этот институт. Задача осмысления новых условий международной среды и изменившихся возможностей США по управлению ими выпали на долю команды президента Б. Обамы.

Осмотрительность внешней политики Обамы

С приходом в Белый дом администрации Б. Обамы Вашингтону требовалось поддерживать высокую активность своего участия в мировых делах на фоне сокращения доступных для распоряжения ресурсов и катастрофического внешнеполитического наследия республиканцев. Начиная с 2009 г. пост государственного секретаря

⁸ *Dao J.* To Reach Out, Befriend and Kill When Necessary: An Ever Trickier Terrain // The New York Times. August 27, 2013.

⁹ *McMaster H.R.* The Pipe Dream of Easy War // The New York Times. July 20, 2013.

США занимала Х. Клинтон. Помимо завершения двух военных кампаний в Афганистане и Ираке, на пребывание Клинтон в офисе пришелся крупный региональный кризис на Ближнем Востоке, в котором США должны были принять деятельное участие. Кроме того, в 2010 г. и 2012 г. американское государство пропустило два чувствительных удара как раз на внешнеполитическом направлении – масштабная утечка секретных документов государственного департамента в «Викиликс» и гибель четырех американских дипломатов во главе с послом в Ливии. В подобных стесненных международных обстоятельствах Вашингтон не оказывался давно. Сравнить эту ситуацию можно было с завершающим периодом правления администрации Дж. Картера (1977-1981), которому внешнеполитические неуспехи в Иране и Афганистане стоили президентского кресла.

Несмотря на то, что Х. Клинтон не могла приписать себе какое-либо крупное внешнеполитическое достижение, ей во многом удавалось поддерживать высокий уровень одобрения американской внешней политики среди сограждан. Упреки республиканцев в адрес президента Б. Обамы и госсекретаря Х. Клинтон в том, что те не способны активно продвигать американские интересы, потому что не были готовы использовать силу при каждой возможности, больше не увлекала американцев. Убийство террориста У. бин Ладена, решающее влияние США на события в Ливии и Египте, и вывод американских войск из Ирака были в глазах американцев удовлетворительными внешнеполитическими результатами.

Первая администрация Б. Обамы заработала себе международную репутацию именно своей осмотрительной внешней политикой наподобие той, что вело правительство Д. Эйзенхауэра (1953-1961). Существенным ее свойством был элемент стратегического оппортунизма, который можно было описать по формуле – способствовать тем действиям оппонентов, которые им вредят, и препятствовать тем, которые приносят пользу. Эту тенденцию укрепил назначенный на пост государственного

секретаря в 2013 г. глава сенатского комитета по иностранным делам демократ Дж. Керри.

Назначение Керри было ознаменовано несколькими важными обстоятельствами. До этого Керри никогда не занимал руководящей должности в исполнительной власти. Впервые за 100 лет глава сенатского комитета по иностранным делам стал государственным секретарем. У Керри сложилась репутация хорошего переговорщика и эффективного диспутанта. В ходе президентской кампании в США в 2012 гг. он «тренировал» Б. Обаму, представляя себя в роли кандидата от республиканцев М. Ромни на дебатах. Кроме того, Керри выгодно выделяло на фоне Х. Клинтон и С. Райс, отозвавшей свою кандидатуру с поста госсекретаря, развитое чувство эмпатии и умение строить и поддерживать конструктивные отношения. Процедура утверждения Керри на новом посту в сенате была легкой беседой по сравнению с итоговым отчетом Х. Клинтон в том же комитете несколькими днями раньше. Эмпатия Дж. Керри была своего рода страховкой от внешнеполитического радикализма и гарантией умеренности. Именно эти качества Керри проявились в ходе дипломатического урегулирования ситуации вокруг угрозы США о применении силы против Сирии в августе-сентябре 2013 года.

Недостаток опыта у Керри в сфере исполнительной власти компенсировался тем обстоятельством, что в кабинете Обамы сложилась коллективная модель принятия решений, которая отсекала радикальные предложения. И хотя половина этой команды сменилась в начале 2013 года, другая ее часть сохранила посты. Коллеги Дж. Керри в министерстве обороны (Ч. Хэйгэл), ЦРУ (Дж. Бреннан) и офисе советника по национальной безопасности (Т. Донилен, затем С. Райс) вместе с самим госсекретарем сформировали ядро совета по национальной безопасности США. Важным было и назначение на пост заместителя госсекретаря карьерного дипломата, бывшего посла США в России В. Бернса, второе в истории ведомства. В совокупности эти умеренные фигуры

блокировали возможность скатывания к радикальным инициативам, источником которых нередко выступала постоянный представитель США в СБ ООН С. Пауэр.

США на Тихом океане

Главным внешнеполитическим приоритетом первого президентского срока Б. Обамы была переориентация фокуса американских интересов с Ближнего Востока на Азиатско-тихоокеанский регион. «Американские военные будут продолжать вносить вклад в безопасность в глобальном масштабе, однако мы по необходимости сместим акцент своего военного присутствия в сторону АТР», - говорилось в доктринальном документе «Поддержание американского глобального лидерства: оборонные приоритеты 21 века», обнародованном президентом Б. Обамой в январе 2012 года¹⁰.

Основным объектом американской обеспокоенности в регионе выступало возрастание мощи КНР. Региональная политическая система и система безопасности в АТР сложились в условиях ослабленного Китая и имели своей целью его изоляцию. Поэтому возрастание мощи КНР в его нынешней динамике – угроза региональной безопасности, причем единственная, в которой просматривается перспектива региональной войны.

В цели США входило военное сдерживание Пекина путем передового базирования своих сил, формирования военно-политических коалиций и обеспечения прозрачности китайской военной программы. Другим элементом стратегии Вашингтона стало выравнивание уровней торгового баланса США с КНР и другими странами АТР. С этой целью в ноябре 2011 г. США объявили о подготовке многостороннего торгового соглашения с участием Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Брунея, Сингапура, Вьетнама, Чили и Перу с целью создания в АТР преференциального торгового

режима. Проект получил название «Тихоокеанское партнерство»¹¹.

Задача-максимум для США – не допустить ревизии сложившегося порядка. Делать это планировалось путем вовлечения КНР в систему тихоокеанских связей на подготовленные для нее роли, совмещая побудительные и отваживающие стимулы. Уточнить региональные приоритеты военной доктрины США в АТР позволяет документ «Стратегическое руководство Тихоокеанского командования ВС США»¹². Согласно ему военная политика США в регионе сконцентрирована вокруг пяти приоритетов: союзники и партнеры, Китай, Индия, Северная Корея и трансграничные угрозы. Первой целью заявлено усиление военных альянсов и стран-партнеров. Особое внимание уделено поддержке становления Индии как «лидирующей и стабилизирующей силы в Южной Азии». В отношении Китая формулировка иная – «способствовать вызреванию отношений между военными США и КНР», что по существу означало ведение мирогарантийной и мониторинговой активности.

Начало народных волнений на Арабском Востоке отвлекло внимание американской дипломатии от Азии и вынудило сфокусировать силы на сохранении достижений многолетнего курса США в регионе. «Арабская весна», вызванная к жизни помимо прочего неумелыми действиями США в Ираке и Афганистане, укрепили мнение Белого дома о необходимости ограничения региональных амбиций в том числе в АТР.

Нестабильность на Ближнем Востоке и приоритеты США

К началу второго десятилетия 2000-х гг. активность американского вмешательства в дела Ближнего и Среднего Востока оставалась высокой, однако Вашингтон был вынужден

¹⁰ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. Department of Defense January 2012. URL: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf.

¹¹ Obama B. Remarks by the President in the Meeting with Trans-Pacific Partnership. Honolulu, Hawaii. November 12, 2011.

¹² United States Pacific Command Strategic Guidance. URL: <http://www.pacom.us.com/uploadedFiles/USPACOMINST%2000031%20final.pdf>.

постоянно опускать планку задач: в Афганистане – от строительства демократии к уничтожению Аль-Каиды, в Ираке – от борьбы с тиранией к союзу с любыми способными контролировать ситуацию в стране силами. Драматические цифры опросов общественного мнения ближневосточных стран показывали, что антиамериканские настроения, достигнув исторического максимума в 2003–2004 годах (90%), сохранялись на рубеже первого и второго десятилетий XXI века на уровне 70%¹³.

Революционные события на Арабском Востоке, начавшие развиваться волнообразно после единичного инцидента в Тунисе, не просматривались никем из американских аналитиков. Поведение официального Вашингтона в ходе разворачивания народных волнений разительно отличалось от агрессивного, наступательного образа действия США в начале 2000-х годов и давало пример кризисного реагирования в ситуации неопределенности. Анонимный источник в администрации Б. Обамы сетовал в интервью: «Вот что происходит, когда события застают тебя врасплох. На протяжении двух лет мы бесчисленное число раз проигрывали ситуации в рамках ближневосточного урегулирования и меры по сдерживанию Ирана. Ни один из этих сценариев не учитывал возможность дестабилизации Египта»¹⁴.

Еще не было случая, чтобы Белый дом отказался присвоить результаты революционного внешнеполитического свершения. Но вот 23 февраля 2011 года, обращаясь преимущественно к международной аудитории, президент Б. Обама произнес: «Перемены, происходящие в регионе, направляются исключительно населяющими его народами. Эти перемены не являются следствием политики США или другой внешней силы»¹⁵. Заявление подобного рода закономерно вызвало критику

¹³ Positive vs. Negative Views Regarding the Influence of Various Countries. BBC World Service Poll. London, 2010.

¹⁴ Sanger D. As Mubarak Digs In, U.S. Policy in Egypt Is Complicated // The New York Times. February 5, 2011.

¹⁵ Obama B. Remarks on the Turmoil in Libya. The White House. Washington, DC. February 23, 2011.

политических оппонентов и избирателей. Недовольны оказались и «прогрессисты» в арабском мире: были слышны обвинения в том, что США слишком пассивны. Однако Белый дом не мог позволить себе сделать однозначную ставку на какую-либо из политических сил.

При этом Вашингтон стремился действовать настойчиво и с опережением. И хотя США стремились повлиять на ситуацию в выгодном для себя направлении, они до конца не были уверены в том, где оно. Это порождало непоследовательность тактических действий американской дипломатии, которая стояла твердо только на двух постулатах: исключении насилия и неприемлемости статус-кво. Определенная доля противоречивости в действиях Вашингтона по отношению к Египту объяснялась высокой приоритетностью для США египетско-израильских отношений, гарантом которых выступал Хосни Мубарак и созданный им режим. Деликатность ситуации состояла в том, что на Ближнем Востоке США фактически были вынуждены поддержать протестующих против тех своих союзников, на которых держались основы региональной системы безопасности. Косвенно это сыграло на пользу идеи демократизации, но повредило непосредственным стратегическим целям Вашингтона и ухудшило среду безопасности в регионе.

США были всерьез озабочены проблемой снижения издержек от революционных событий на Ближнем Востоке. В целях сохранения своего влияния Вашингтон в первую очередь был заинтересован в поддержании связей с военным истеблишментом стран, получавших на протяжении трех десятилетий американскую помощь. По мере того как волна недовольства в Тунисе и Египте спадала, власть там консолидировалась именно в руках военных. Эксперты отмечали, что продолжение курса на оказание финансовой и военной помощи Египту и Тунису необходимо США для сохранения региональной стабильности¹⁶.

¹⁶ Hunter R.E. Keep U.S. Aid Flowing to Egypt's Military // CNN.com. February 9, 2011.

Активизация кризиса в Ливии поставила перед США вопрос о вмешательстве в эту ситуацию. На фоне отсутствия значимых национальных интересов, Вашингтон избрал линию на защиту ливийских граждан от произвола руководства страны. Последствия втягивания США в третью военную кампанию за десять лет хорошо понимали в Белом доме и Пентагоне. Присоединяясь к действиям европейских союзников по НАТО против режима Каддафи, Вашингтон действовал вынужденно, а потому неохотно. Внося сопоставимый с другими державами вклад в действия международной коалиции, США стремились его строго ограничивать. В отношении Триполи Вашингтон действовал в таком «сердечном согласии» с международным сообществом, какое в последний раз наблюдалось в начале 1990-х гг. в ходе первой кампании в Персидском заливе. Более того, исторически передовых в делах «борьбы за демократию» США на этот раз опередили европейские державы.

Следующий региональный кризис разразился в Сирии. Вплоть до осени 2013 г. в американском понимании процессов в Сирии доминировала упрощенная концепция борьбы демократических масс с диктатурой. И хотя президент Б. Обама констатировал, что сирийские процессы не представляют жизненной угрозы интересам США, он обозначил условие о неприменении в конфликте ОМУ, нарушение которого режимом Б. Асада должно было привести к американскому вторжению¹⁷. Такая постановка вопроса позволяла избежать действительного вовлечения США в сирийскую ситуацию, однако одновременно она побуждала заинтересованные в американском вмешательстве силы побудить сирийское правительство к нарушению обозначенного условия или представить дело так, будто это произошло фактически.

К осени 2013 г. в американской аналитике появилась многомерность при взгляде на сирийские события. Стали появляться публикации о сложном этно-

конфессиональном составе населения Сирии и связанной с этим угрозой дезинтеграции государства в случае победы оппозиции. Вспомнили, что государственные границы в регионе стали следствием договоренности европейских держав, а не естественного процесса формирования национальных идентичностей и государств. Стали просчитывать возможности широкой дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Угроза слияния сирийского и иракского конфликтов, которая возрастала по мере перетекания шиитских и суннитских комбатантов через плохо охраняемую границу¹⁸, отодвинула на второй план концепцию смены режима в Сирии под демократическими лозунгами. В американской прессе стали публиковать спекуляции относительно возможного разрушения существующих на Ближнем Востоке государств (в частности, Сирии, Ирака, Йемена, Саудовской Аравии, Ливана, Ливии)¹⁹.

Несмотря на большую обеспокоенность положением дел в Ираке, американские власти всячески подчеркивали, что они не стремились вмешиваться во внутренние дела этой страны. Готовность Вашингтона смириться с возможной потерей Ирака, а также неутешительные итоги десятилетия американского активизма на Ближнем Востоке, побудили экспертов задаться вопросами о целях региональной стратегии США²⁰. Распространение нестабильности, крушение демократически избранных правительств, рост популярности исламизма и антиамериканских настроений приводил к выводу о неуспехе принятой в начале 2000-х гг. линии в региональных делах.

В этом контексте эксперты чаще напоминали о традиции осторожной политики США в регионе, контуры которой были заложены президентом

---

¹⁸ Lederer E. UN Envoy: Iraq and Syrian Conflicts are Merging // The Big Story. Associated Press. 2013. July 16.

¹⁹ Wright R. Imagining a Remapped Middle East // The New York Times. September 28, 2013.

²⁰ Moyers B. Andrew Bacevich on Taking Action in Syria // Bill Moyers Talk Show. September 6, 2013.

---

¹⁷ Obama warns Syria not to cross 'red line' // CNN. August 21, 2012.

Дж. Картером в начале 1980-х годов²¹. Эта стратегия фокусировалась на консервации существующих противоречий и включала четыре основных приоритета: предотвращение регионального доминирования одной державы, удержание арабов и израильтян от новой войны, поддержание стабильности союзных правительств в богатых энергетическими ресурсами арабских монархиях Персидского залива и препятствование исламистским силам в их попытках свергнуть лояльные США режимы. Ни одна из этих целей не предполагала, что США отойдут от логики поддержания «статус кво». В этом смысле неполное десятилетие правления Дж. Буша-мл. – когда считалось, что стабильность не может быть целью США на Ближнем Востоке – стало восприниматься в Вашингтоне как отступление от традиции американской региональной политики, а осмотрительность Б. Обамы – как возвращение к ней²².

Новые контуры региональной политики США на Ближнем Востоке Б. Обама обозначил в своем выступлении перед членами Генеральной ассамблеи ООН 24 сентября 2013 года. Обама сделал еще один шаг от политической практики США времен Дж. Буша в сторону реализма. Главной новацией стало раздвижение временного горизонта достижения американских целей – Обама заявил, что для принесения демократии на Ближний Восток потребуется «время жизни целого поколения». В лексикон американского истеблишмента вернулись понятия из сферы политики «статус кво». То, что прежде именовалось «маршем в сторону демократии», в устах Обамы было обозначено как угроза региональной дестабилизации, коллапса государственных институтов, гражданской

войны, межэтнических конфликтов²³. Предложив наиболее точный лексикон для описания значимости национальных интересов США в регионе, Обама подтвердил приверженность США дипломатическому урегулированию конфликтов и ставке на решение существующих проблем местными силами без вмешательства извне.

В своем обращении Обама изложил новую формулу региональной политики США: «Время от времени мы будем сотрудничать с правительствами, которые не соответствуют, в нашем понимании, высоким международным стандартам, но которые будут взаимодействовать с нами по вопросам наших жизненных интересов»²⁴. Главным следствием этого положения стал отказ США руководствоваться исключительно ценностями во внешней политике. Это позволило легитимизовать связи США с правительством военных в Египте, захвативших власть в результате переворота. В рамках нового мышления Вашингтон отложил в сторону разногласия о ценностях с Тегераном и предложил Ирану новые отношения на основе взаимного интереса. И хотя политическая программа Б. Обамы более детализирована, чем стратегия Буша-мл., в ней содержится мало конкретики в отношении упомянутых проблем, а также подходов США к ближневосточному урегулированию и разрешению сирийского конфликта.

В заключение Обама подтвердил стремление США сохранить статус гаранта региональной стабильности на Ближнем Востоке: «Даже когда жизненным интересам Америки ничто не угрожает, мы готовы предотвратить массовые убийства и защитить базовые права человека»²⁵. По признанию информированных наблюдателей – таких как экс-министр обороны Р. Гейтс – президент Обама извлёк правильный урок из десятилетия американских ошибок на Ближнем Востоке: «В Ираке, Афганистане и Ливии

---

²¹ Carter J. State of the Union Address. 1980. January 23. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=33079#axzz2grijrk7g>.

²² Douthat R. America's Not-Always-Disastrous Middle East Record // The New York Times. September 10, 2013.

---

²³ Obama B. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. United Nations. September 24, 2013.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

мы много узнали о непреднамеренных последствиях военных действий»²⁶. Как показывают американские опросы общественного мнения, главным внутривнутриполитическим последствием этих ошибок стало усиление антивоенных и антиэкспансионистских настроений в США – явление, которое президент Обама связал с угрозой появления «вакуума лидерства» в мировых делах.

Возобновление дискуссии о необходимости ограничения региональных амбиций США в наибольшей степени затронуло Республиканскую партию, видные члены которой начали выступать с неоизоляционистских позиций²⁷. Сенатор-республиканец Рэнд Пол заявил, что Соединенные Штаты не имеют никаких интересов в Сирии, должны воздержаться даже от ограниченного вмешательства и перейти к тактике сдерживания режима Асада²⁸. Это привело к острой внутривнутрипартийной полемике, в которой крыло активистов во главе с сенатором Дж. Маккейном призвало к бойкоту идей Пола. В этом проявились черты возможного партийного кризиса, связанного с выдвижением кандидатов на пост президента на ближайших выборах. Эксперты ожидали, что в ходе президентской гонки в 2016 г. к власти в США могут прийти солидарные с сенатором Р. Поллом кандидаты от республиканцев. Особые надежды возлагались на возобновление прагматичных подходов Республиканской партии к международным делам, как то было в президентство Д. Эйзенхауэра, Р. Никсона и Дж. Буша-ст²⁹.

* * *

В основе американской фрустрации результатами своего лидерства лежит недовольство тем, что многие крупные страны мира вне североатлантического

сообщества – включая Россию – отказываются воспроизводить опыт США и идти по предписанному ими пути к демократии и свободному рынку. Не желая платить цену за внимание и участие Вашингтона в своих делах, они тем самым отрицают значение победы США в «холодной войне»³⁰. Внешнеполитические неудачи и относительное снижение потенциала Вашингтона влиять на мировые дела побуждает Соединенные Штаты прислушиваться к независимым голосам. Новацией последних месяцев 2013 г. стало возвращение в лексикон американского руководства понятия «две сверхдержавы», которое по очереди использовали Б. Обама и Дж. Керри для описания российско-американских отношений³¹.

Сокращение участия США в мировых процессах крупные мировые державы не рассматривают как риск. Альтернативой одностороннему американскому доминированию они видят складывание региональных комплексов безопасности, в которых порядок поддерживается консенсусом местных держав. Они аргументированно указывают на то, что такие системы существуют де факто в поясе границ России, Китая, в Европе и в Латинской Америке. Результаты десятилетнего активизма США на Ближнем Востоке внушили этим странам убеждение в неготовности Вашингтона квалифицированно исполнять лидерские функции во благо общего интереса.

Тем временем США в правление Б. Обамы не отказываются от приоритетной цели по демократизации мира. Пока Соединенные Штаты отстают – снижают планку задач, привлекают ресурсы союзников, раздвигают временные рамки достижения целей. Подлинный пересмотр приоритетов американской политики произойдет, когда и если ресурсы по адаптации стратегии окажутся исчерпаны.

²⁶ *Sanger D.E.* For Obama, an Evolving Doctrine on Foreign Policy // *The New York Times*. September 24, 2013.

²⁷ *Egan T.* The Bush Burden // *The New York Times*. September 5, 2013.

²⁸ *Rubin J.* Where isolationism leads // *The Washington Post*. September 2, 2013.

²⁹ *Douthat R.* Why Republicans Miss The Realists // *The New York Times*. July 31, 2013.

³⁰ *Graham T.E.* The Drive to Blame Russia // *The New York Times*. August 21, 2013.

³¹ *Obama B.* Remarks by President Obama and President Putin of Russia After Bilateral Meeting. Lough Erne Resort. June 17, 2013; *Kerry J.* Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov After Their Meeting. Geneva, Switzerland. September 14, 2013.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

аналитическое агентство

ОБ АВТОРЕ

Андрей Андреевич Сушенцов – к.полит.н., управляющий партнер агентства «Внешняя политика». Выпускник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и аспирантуры МГИМО (У) МИД России.

Старший преподаватель МГИМО (У) МИД России, приглашенный исследователь Джорджтаунского университета и Университета Джонса Хопкинса (США).

Автор монографий «Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке». М.: Аспект Пресс, 2014 и «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов». М.: МГИМО, 2014.

Член Ассоциации международных исследований (США) и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

E-mail: a.sushentsov@foreignpolicy.ru.

Аналитическое агентство «Внешняя политика» - московская исследовательская организация, которая анализирует текущую политику и консультирует в сфере международных отношений. Агентство основано в 2014 году выпускниками МГИМО (У) МИД России. Миссия агентства – производить наиболее актуальный, точный и объективный анализ международных процессов среди всех аналогов в открытом доступе.

Агентство производит спектр профессиональных продуктов и консультирует в сфере международных отношений. «Внешняя политика» анализирует для своих подписчиков и клиентов текущие международные события и выявляет в них потенциальные

возможности и скрытые риски. Материалы агентства позволяют правильно понимать логику международных процессов, трезво оценивать и прогнозировать политические риски и дают почву для действий.

В коллективе агентства участвуют два десятка специалистов с широкой региональной и тематической специализацией. Наши аналитики ежедневно следят за развитием международной ситуации и работают с источниками на 15 иностранных языках. Ведущие аналитики агентства – известные эксперты-международники Сергей Маркедонов, Дмитрий Офицеров-Бельский, Николай Силаев и Андрей Сушенцов.

www.foreignpolicy.ru

www.внешняяполитика.рф